

Случайность и одиночество

Л. В. Карасев

Случай – очень странное явление, определить причины и истоки которого вплоть до исчерпывающего объяснения не представляется возможным. Невозможно это даже тогда, когда мы знаем, что случайность непременно произойдет. Возьмем пакет с крупой и пересыплем ее в стеклянную банку: тысячи крупинок устремятся в приготовленный для них объем, однако на дне пакета в его мельчайших складках непременно останется хотя бы одна крупинка. Пусть она будет одна на десять тысяч, но она, скорее всего, будет. И причина, по которой она задержалась на своем пути к выходу, так и останется невыясненной.

Причина же здесь в случае и только в случае. В данной ситуации это та сложная и незаметная глазу конфигурация пакета, возникшая случайно и – опять-таки случайно – не позволившая крупинке вместе со всеми остальными покинуть пакет и оказаться в банке или кастрюле. Где-то пакет прижали сбоку, потом положили что-то сверху, и вот вам неповторимая – всякий раз по причине случайности происходивших воздействий – уникальная форма, причины возникновения которой неизвестны. И даже если бы они были известны, понять, как поведет себя одна из многих тысяч крупинок, невозможно. Одна или несколько крупинок обязательно останутся в пакете.

«Рассматривать так – значило бы рассматривать слишком пристально», – сказал бы Горацио. Но я и не собираюсь дробить некое целое на потенциально бесчисленные и не обязательно связанные между собой части. Меня интересует сам факт, феномен случайности, который объявляет себя с удивительной настойчивостью на всех уровнях человеческого бытия – от пересыпания крупы до полетов в космос. Как известно, Нил Армстронг оказался первым человеком на Луне по воле случая: если бы главный претендент на эту роль Фрэнк Борман после полета на «Аполлоне-8» не пообещал своей семье, что больше не полетит в космос, Армстронг, при лучшем раскладе, стал бы третьим или четвертым.

Классическим примером фатальной случайности служит рассказ Рэя Брэдли «Бабочка», где случайно сошедший с тропы охотник из будущего, нечаянно раздавил бабочку, что через миллионы лет сказалось на всем устройстве человеческого общества. Наш масштаб не такой глобальный, хотя и не менее важный, и касается он той роли, которую случай играет в жизни отдельного человека – изо дня в день, из года в год. Речь идет о тех изменениях, которые порождаются случайностями, нередко оказывающими влияние на всю жизнь человека. Например, это может быть случайная встреча знакомого. «Ба, ба, ба!» – кричит Ноздрев в «Мертвых душах» Гоголя, увидев Чичикова: «Какими судьбами?». И пошла с этого момента жизнь Павла Ивановича совсем по-другому, нежели намечалось.

В гоголевском случае влияние случайности на судьбу персонажа очевидно. Однако нередко подобного рода случай бывает настолько скрытым, неявным, что человек его вовсе не замечает, не удерживает долго в поле ясного сознания и отправляет в подвалы памяти, недоступные для умственного волевого усилия. Подвижки смыслового поля, которые часто являются следствием воздействия незначительных случайных изменений, в чем-то напоминают музыку композиторов-минималистов. Почти незаметные изменения в идущих друг за другом паттернах приводят к тому, что мелодия, казавшаяся неизменной, к финалу опуса становится во многом другой.

В жизни человека происходят случайности различного плана, как непредсказуемые, коих большинство, так и предсказуемые, ожидаемые, но при этом не перестающие быть неожиданными. Зная, что должно произойти какое-то событие, человек тем не менее точно не знает, когда именно оно произойдет и потому этот момент оказывается для него неожиданностью, то есть случайностью, напоминающую ту, которой он и вовсе не ожидал. Например, так происходит, когда человек надует воздушный шарик и хочет, чтобы он стал как можно большего размера. Он хорошо понимает, что в любой момент шарик может лопнуть, но в какой именно не знает. Таким образом, ожидаемый хлопок случается неожиданно (а неожиданное – синоним случайного) и производит не меньшее впечатление, чем в тех ситуациях, когда он вовсе не предполагался.

В нашей жизни оба типа случайностей – и неожиданные, и ожидаемые – переплетаются между собой, и мы обычно не задумываемся над тем, какова природа случайного события. Так или иначе случайности, независимо от того, приятные они или нет, вносят в наше существование чувство новизны. А новизна, по сути, есть один из эффектов, порождаемых случаем: это то, чего не было раньше.

Однако, если судить строго, ничего нового, то есть чего-то такого, что возникло, сложилось из прежнего, уже бывшего, случиться не может. Да и откуда ему взяться? До определенного момента все оставалось таким же, как было раньше, а затем вдруг является новое. Откуда оно взялось? Его не должно быть. Но оно постоянно появляется, и сомневаться в этом не приходится. Возникновение нового является одной из важнейших проблем в философии и эпистемологии, хотя на данный момент она так и не получила какого-либо серьезного решения.

«Данный момент» также весьма проблематичен. Ведь мозаика, сложившаяся из миллионов предыдущих случайностей в наличествующую сегодня картину, в такой же степени случайна, как создавшие ее случайности. Еще раз отметим факт несоизмеримости внешнего проявления случайностей: это может быть грандиозное извержение вулкана или всполохи полярного сияния, но гораздо чаще это события, неброские или вовсе незаметные и оттого кажущиеся незначимыми. Как раз они-то меня и интересуют: не что-то эффектное или из ряда вон выходящее, а обыденное, повседневное.

Вот два близнеца, разлученные в детстве, и вот их совершенно не похожие друг на друга судьбы, сложившиеся по воле многих случайных событий. Случаи были разные, и как итог – две совершенно разные жизни. Скажем больше: один и тот же ребенок (если бы была возможность прожить с самого начала не одну, а две жизни) действительно прожил бы во многом различные жизни хотя бы потому, что в одном случае, он пошел бы в школу слева от своего дома, а в другом – в ту, что находится справа.

Случайное рождает случайное, то, что в последствии парадоксальным образом приобретает облик закономерности. Идет неосознаваемая подмена временных рамок и ориентиров, утеря подлинных истоков и причин недавних или сегодняшних событий. Давняя причина, укорененная в каком-то случайном событии, забывается, и на первый план выходит причина недавняя. Вот, скажем, событие произошло потому, что год назад произошло нечто, его подготовившее. Наполовину это правда, но только наполовину, поскольку то, что мы принимаем за причину сегодняшнего положения дел, на самом деле является следствием другой, отстоящей далеко во времени причины, без которой вчерашний и сегодняшний день не приобрели бы той формы, которую они приобрели.

Небольшое умственное усилие, взгляд, обращенный на себя, – и становится понятным, что многое из того, что с нами произошло, порождено цепочками многих и многих случайностей. Будучи достаточно прочувствованным, такого рода открытие может вызвать интеллектуальный ужас, поскольку на глазах начинает рассыпаться и идентичность личности, и целостность реальности, в которой ты как будто вполне надежно обосновался. Впрочем, все эти впечатления и соображения, по природе своей глубоко онтологические, у человека, находящегося в рамках психической нормы, достаточно быстро развеиваются, и все встает на свои привычные места: я – это я, стол на месте, окно на месте, все так, как нужно, как обычно, и никаких случайностей.

Важная вещь. Среди множества незаметных, незначительных, как кажется, случаев, выделяются те, что принято называть «судьбоносными». Это те самые случаи, которые надолго, а иногда и на всю жизнь, определяют дальнейшую траекторию существования человека, его светлое или мрачное будущее.

Всякий человек, решивший внимательно исследовать свое прошлое, непременно найдет среди сотен событий одно, два или три, которые будучи случайными, тем не менее, оказались чрезвычайно важными и предопределили то направление его жизни, которое он считал и считает осмысленным, закономерным, находящемся в поле его целеполагания. Из прошлого, уже бывшего, которым наполнен и чем живет всякий человек, таинственным образом является новое, неожиданный фундаментальный поворот жизни, определяющий ее направление на многие годы. Можно сколь угодно часто случайно встречаться со своими старыми знакомыми, но только одна встреча, один разговор или совет окажутся особенными, подтолкнут вас к какому-то неожиданному решению и действительно изменят течение жизни.

После такого случая на протяжении многих лет будут возникать и многие другие, однако, существенного влияния на установившийся порядок вашей жизни они не окажут. А вот тот – особенный, хотя внешне ничем не примечательный, – будет всегда стоять отдельно. И прежде всего, потому, что все, что произойдет с вами потом, будет исходно определено этим случаем. Он навсегда останется тем фундаментом, на котором будет держаться все остальное.

Возможно, какие-то последующие события и окажут некоторое влияние на вашу жизнь. Однако это будет не более, чем коррекция уже взятого направления движения. Исключение может составить лишь событие, равномошное тому случаю, который определил конфигурацию наличного положения дел. Однако это бывает достаточно редко, поскольку судьбоносные события, как правило, случаются в начале или, по крайней мере, в первой половине жизненного пути, а затем человек движется по траектории, заданной каким-то исходным импульсом. Причем каждый из нас, как я уже отмечал, при некотором усилии способен, перебирая в уме различные жизненные ситуации, добраться до того (может быть, совсем не «эффектного») случая, который стал точкой, именуемой сегодня «точкой бифуркации». Драматизм момента в том, что ребенок, в зависимости, например, от того, в какую школу он пойдет (в ту, что справа или в ту, что слева) проживет разные, не похожие друг на друга жизни.

Вместе тем, не стоит доводить ситуацию до абсурда, отыскивая в своем прошлом некий «первослучай», давший начало всем остальным цепочкам случайностей. Например, осознание, что течение вашей жизни было определено тем, что у вас именно эти родители, не дает для понимания сложившейся жизни почти ничего. Это сколь верно, столь и бесполезно в силу непомерной широты обобщения. Совсем как в бесполезном тезисе о том, что случайность есть непознанная необходимость.

Можно представить конфигурацию человеческой жизни в виде дерева, от ствола которого отходит несколько больших ветвей, определяющих общий вид кроны. Сама же крона состоит из небольших веток и тысяч листочков-случайностей, трепещущих на ветру или остающихся в покое, но на исходно заданную форму кроны влияния не имеющих. Они – все вместе, и однако каждый листок живет отдельной одинокой жизнью; в нем есть память о стволе и корнях, его породивших, но все остальное к нему отношения не имеет. Это «остальное» может изменяться, исчезать, появляться; одиночество листка постоянно и неизменно – от его явления на свет до последнего просвального полета к земле.

Сходным образом, сами не зная об этом, живут многие люди. Одиночество умеет быть незаметным, не вполне открытым для нашего понимания. И это не так называемое «одиночество в толпе», когда человек бредет сквозь наполненную сотнями незнакомых ему людей площадь, а нечто иное. Речь идет о «толпе» близких – родных и знакомых, составляющих наше, как нам кажется, однородное и постоянное окружение. На самом деле, оно совсем неоднородно, весьма изменчиво и состоит из прослоек или волн, мало общающихся друг с другом. И главной причиной здесь оказывается

постепенно и постоянно накапливающаяся разница в возрасте. Казалось бы, ничего удивительного в этом нет, однако стоит присмотреться, и мы увидим, что возрастные волны неоднородны и непостоянны, они находятся в непрерывном изменении, у них есть начало и есть конец. Подобно снежинкам, попадающим в свет фонаря и покидающим его, люди входят в какую-либо возрастную волну, пребывают в ней определенное время, а затем покидают ее, незаметно для себя становятся представителями, участниками другой волны, состоящий из людей более старшего возраста. Традиционное обозначение волн или составных частей человеческой жизни известно каждому: детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость.

Само собой, между названными волнами или периодами нет жестких перегородок, однако, несмотря на свою текучесть, они все же представляют из себя достаточно устойчивые конфигурации, сущность которых улавливают и их участники, и те, кто принадлежит к другим временным волнам. Представим себе мир ребенка: он вполне устойчив и конкретен: это родители, родственники, школьное окружение, во многом совпадающее с уличным. Ребенок находится в центре этого мира, и он кажется ему естественным, вечным и вообще единственно возможным. Могли ли у него быть другие родители, приятели или другой дом? Конечно, нет. Да он, собственно, об этом и не задумывается.

Мир молодого человека заметно отличается от мира ребенка. Люди, окружающие его теперь, заметно повзрослели, и вообще появилось много (если придерживаться избранной нами точки рассмотрения) новых случайных персонажей. Вот только что, как кажется, их еще не было, а теперь молодой человек проводит с ними почти все свое время. Предыдущее окружение, конечно, дает о себе знать, но оно заметно поредело. Пока сохраняют свои позиции самые близкие (и еще не очень старые) родственники, а вместе с ними немногие друзья, но их уже теснят рождающиеся дети, которым предстоит надолго стать самыми важными и близкими. Они будут лидерами среди представителей всех, сменяющих друг друга, возрастных волн.

Зрелость и старость также отмечены значительными переменами: уходят родственники старших поколений, уходят знакомые, соседи – все те, кто были с нами на протяжении долгих лет. Да и вообще, круг общения заметно сужается, оставляя нас в мире, который мало похож на тот, с которым мы познакомились в детстве. И мы можем, хотя обычно никто этого не делает, глядя на тех, кто в нашем круге еще присутствует, сказать: «Вот с ней я познакомился на своей работе, с ним – во время командировки, а с ним, когда был в отпуске». И все это будут случаи, случаи, случаи.

Я не стал бы подробно расписывать все эти вещи, если бы не два соображения, переводящие проблему случайности в иную, чем обычно представляется, плоскость. Время идет незаметно, или вообще кажется, что не идет для тех, кто не делает этого процесса предметом своего размышления. Напротив, задумавшиеся видят, с какой неумолимой неторопливостью, «тихой сапой», как сказал бы Иосиф Бродский, идет время, создавая у нас иллюзию того, что один день похож на другой и ничего особенного (кроме выдающихся событий, вроде смертей и рождений) не происходит. Тот факт, что изменения все-таки есть, осознается лишь тогда, когда все уже случилось и стало прошлым.

Движение времени (а применительно к человеку изменение его состояния и его окружения), смена поколений-волн приводят к тому, что мы, вроде бы, остаемся прежними, сохраняем целостность личности, тогда как жизнь вокруг меняется до неузнаваемости. Парадоксальность ситуации состоит в том, что этих-то изменений мы и не замечаем, а если замечаем, то не обращаем на них внимания, не придаем им значения. Так называемая «привычка жить» к старости становится настолько сильной, что мы перестаем адекватно воспринимать и прожитую, ушедшую жизнь, и перспективу той жизни, которая еще длится и, может быть, продолжится. Настоящее воспринимается как растянувшийся во времени и медленно проживаемый день – онтологически упрощенный, укорененный в опыте многих прожитых лет. Настоящее теперь – главная опора реальности, наличествующей жизни, тогда как прошлое и будущее переходят в разряд

чего-то эфемерного. И это при том, что настоящее как раз и является неуловимым миготом, разделяющим массивы уже свершившегося, ушедшего прошлого и возможного будущего. Человек все больше замыкается, опирается на себя, как на что-то единственно надежное, предсказуемое, в отличие от исходящей от мира угрозы внешних случайностей.

Жизнь, сложившаяся из тысяч случайных событий, все же не сводит человека с ума, а дарит ему иллюзию вполне закономерного, едва ли не запланированного им самим развития событий. Да и может ли уместиться в уме то, что едущие рядом с тобой в автобусе люди оказались в нем (если пройти по всем цепочкам их жизней) по воле случая и что если бы в прошлом они стали участниками каких-то других случайностей, то никого бы из них в данный момент не было. Как и тебя.

Интересно то, что мы можем воспринимать различные случайные события, например встречу на улице, по-разному. Для одних это что-то неожиданное, для других – до некоторой степени ожидаемое (давно не встречались). Ожидаемое – значит закономерное, и для многих такого рода ощущений вполне достаточно, чтобы не углубляться дальше, хотя на самом деле внимательный взгляд на событие все равно укажет на тот набор случайностей, который привел именно к этому случайному результату. Так или иначе, тому, кто воспринимает происходящее как нечто закономерное, присущ положительный настрой, что сказывается на поведении, эмоциональных реакциях, отношении к настоящему и будущему. Такой человек обычно не ощущает себя одиноким. Проживая одну за другой волны своей жизни, он воспринимает их как некие законченные, осмысленные и закономерные целостности, составляющие общее целое жизни – такой, какой она и должна быть. Он не замечает, насколько все вокруг изменилось, не осознает, что близкие ему люди уже совсем не те, что были в прошлой, далекой жизни, – те исчезли неизвестно куда. Их нет, а он – тот, кто был вместе с ними, – есть, он есть здесь, сейчас, и он одинок, хотя и не осознает это одиночество.

Стоит ли падать духом от того, что жизнь устроена таким, как будто даже обидным образом? Не стоит, ведь добравшись до положенного природой предела, мы уже не захотим думать о подобных вещах, и не только не захотим, а уже и не сможем. Нужно ли добавлять здесь рассуждения о том, что только случайностями течение жизни не исчерпывается? Наверное, не нужно. Это и так понятно.

Карасев Леонид Владимирович – доктор философских наук.
leokarass@gmail.com

Karasev Leonid V. – DSc in Philosophy.
leokarass@gmail.com

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5-210-214